

Идея охраны памятниковъ отъ разрушенія сама по себѣ, независимо отъ спекулятивной формы ея осуществленія, заслуживаетъ, впрочемъ, полнаго вниманія. Стоить взглянуть на гробницы изъ столичныхъ кладбищъ, чтобы убедиться въ полнѣйшемъ пренебреженіи къ жилищу мертвыхъ. На Лазаревскомъ кладбищѣ въ Невской Лаврѣ покривились, разрушились и даже исчезли безъ слѣда многіе памятники, представляющіе историческое значеніе. Уже и теперь нельзя тамъ розыскать многихъ знаменитыхъ могилъ, а современемъ исчезнуть и послѣднія, какъ исчезаетъ въ Москвѣ могила знаменитаго артиста П. М. Садовскаго на глазахъ еще живыхъ его почитателей.

Вся Москва знала Садовскаго, рукоплескала ему на сценѣ и горестно оплакивала его смерть, но черезъ какіе-нибудь двадцать лѣтъ она до такой степени забыла своего любимца, что посѣтившій могилу знаменитаго артиста хроникеръ «Московскихъ Вѣдомостей» вотъ въ какомъ видѣ нашелъ ее въ день 20-лѣтія его кончины: «На могильномъ холмѣ поставленъ чугунный крестъ на глыбѣ камня, но совершенно безъ всякой надписи. Крестъ накренился уже къ боку, а около могилы полное запустѣніе: крапива, бурьянъ, разный мусоръ и проч.—грустная картина «забытой могилы».

А между тѣмъ Садовскаго москвичи помнятъ и видятъ, какъ живаго, точно вотъ сейчасъ передъ глазами, во всѣхъ его коронныхъ роляхъ. Про него циркулируетъ масса забавныхъ анекдотовъ, освѣжающихъ воспоминанія объ этомъ оригинальномъ человѣкѣ и актерѣ. Одинъ изъ нихъ я позволю себѣ здѣсь-же передать со словъ того-же хроникера.

— «Случилось какъ-то Садовскому съ группою быть въ Лебеядни. Сборовъ не было никакихъ, и актеры питались чернымъ хлѣбомъ да водой, за которую сами ходили на рѣчку. На ихъ счастье отыскался тамъ одинъ трактирщикъ, страстный любитель театра. Свою любовь къ искусству онъ хотѣлъ проявить покровительствомъ актерамъ и предложилъ имъ давать для него спектакли... за ужинъ. Актеры съ радостью приняли предложеніе. И вотъ, важно разсѣвшись одинъ въ театральной залѣ, помѣщавшейся въ плохомъ балаганѣ, освѣщенномъ салными огарками, лебеядняскій меценатъ равнодушно смотрѣлъ разыгрываемыя передъ нимъ комедіи и водевили. Нерѣдко, когда пьеса казалась ему

скучною, онъ останавливалъ актеровъ въ самой срединѣ ея и деспотически приказывалъ затѣмъ всѣмъ хоромъ плясовую или ухарскую пѣсню. Порціи щей и говядины служили наградой жрецамъ благороднаго искусства. На выручку пріѣхали цыгане; актеры соединились съ ними для представленій и сборы поправились».

Привлеченіе цыганъ на сцену для поправленія театральныхъ сборовъ и до сихъ поръ считается самымъ вѣрнымъ средствомъ, къ которому началъ прибѣгать «величайшій» изъ всѣхъ европейскихъ импресарио г. Раулъ Гюнсбургъ, утилизовавшій на-дняхъ Дмитрія Шишкина въ «Цыганскихъ пѣсняхъ».

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

Памятникъ на могилѣ П. М. Садовскаго. Могила эта находится на Пятницкомъ кладбищѣ, вблизи кладбищенской церкви, влѣво за алтаремъ, на дорожкѣ, носящей названіе *Садовской*. Но хотя дорожка и получила свое названіе отъ могилы П. М. Садовскаго, отыскать самую могилу можно было только при посредствѣ разспросовъ у сторожей, такъ какъ надгробный памятникъ былъ безо всякой надписи.

Теперь отрадно отмѣтить что могила знаменитаго московскаго артиста не можетъ быть названа ни забытою, ни затерянною. Въ концѣ августа старый памятникъ на могилѣ П. М. Садовскаго замѣненъ новымъ, представляющимъ собою большой крестъ чернаго мрамора, на такомъ же массивѣ въ видѣ глыбы, обдѣланной орнаментировкой. Весь памятникъ стоитъ на мраморной плитѣ.

Въ общемъ по формѣ новый памятникъ, сдѣланный въ мастерской Кампіони, напоминаетъ старый. На восточной сторонѣ подножія креста находится слѣдующая надпись:

„Провъ Михайловичъ Садовскій скончался 16 іюля 1872 года.—Елизавета Львовна Садовская скончалась 23 апрѣля 1874 года.“ На западной сторонѣ надпись: „Господи, упокой души ихъ!“ Мѣсто внутри ограждающей могилы рѣшетки чисто прибрано, вокругъ памятника поставлены горшки съ цвѣтами.

На-дняхъ на Пятницкомъ кладбищѣ въ Москвѣ открытъ памятникъ, сооруженный надъ могилами знаменитаго актера Прова Михайловича Садовскаго и его супруги Елизаветы Львовны. П. М. Садовскій скончался 16-го іюля 1872 года, жена пережила своего гениальнаго супруга всего на два года.

Памятникъ—изъ чернаго мрамора. Четырехгранная призма, утвержденная на гранитномъ пьедесталѣ, закруглена сверху и увѣнчана большимъ мраморнымъ крестомъ. Надписи гласятъ лишь о томъ, кто погребенъ подъ памятникомъ и не имѣютъ никакихъ добавленій и поясненій.

П. М. Садовскій род. 1818. а ум. 1872.

ВОКРУГЪ СЦЕНЫ.

Завтра тихо пройдетъ еще одинъ скорбный юбилей.

Минетъ сорокъ лѣтъ со дня смерти Прова Михайловича Садовскаго.

П. М. умеръ 16 іюля 1872 года, въ 9 час. утра, на своей дачѣ въ Вашиловкѣ, въ Петровскомъ паркѣ.

О смерти П. М. никто не зналъ, и еще накануне похоронъ онъ числился на афишѣ больнымъ.

Распорядители похоронъ не потрудились даже извѣстить редакціи газетъ о кончинѣ П. М.

Кое-кто изъ прохожихъ присоединился къ погребальному шествію, случайно узнавъ, что хоронятъ Садовскаго.

Вотъ почему на похороны П. М. собралось небольшое число почитателей его таланта.

Не приходится, конечно, сегодня вспоминать о значеніи П. М. въ исторіи русскаго театра.

Память о покойномъ колоссъ русскаго театра, какъ о личности, еще до сихъ поръ жива среди старыхъ актеровъ и театраловъ Москвы.

Еще недавно вспоминали объ отзывчивости П. М. къ нуждамъ русскаго актера и театра.

Говорили и о томъ, что онъ былъ однимъ изъ первыхъ инициаторовъ извѣстныхъ спектаклей пресловутаго артистическаго кружка—источника частнаго русскаго театра, — пожертвовавъ крупную сумму на устройство этихъ спектаклей.

Скорбная годовщина пройдетъ не отмѣченной Императорскимъ Малымъ театромъ...

З. М. 912. № 163

Страница изъ исторіи русскаго театра.

Столѣтіе со дня рожденія знаменитаго русскаго артиста Прова Михайловича Садовскаго даетъ поводъ вспомнить объ одной изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ исторіи нашего національнаго театра.

Кульминационнымъ пунктомъ дѣятельности великаго артиста была вторая половина пятидесятихъ и начало шестидесятихъ годовъ. Это была эпоха высшего процвѣтанія московской драматической сцены.

Въ обширномъ репертуарѣ Садовскаго первое мѣсто по своему значенію занимаютъ роли изъ пьесъ Островскаго. Совпаденіе появленія въ литературѣ москвича Островскаго съ пребываніемъ Садовскаго на московской сценѣ—пожалуй, одна изъ самыхъ счастливыхъ случайностей въ исторіи русскаго театра. Трудно сказать, кто изъ этихъ двухъ художниковъ больше обязалъ другому.

Если Садовскій почти не имѣлъ до тѣхъ

поръ случаевъ къ созданію новыхъ и притомъ чисто русскихъ типовъ, то и Островскій не имѣлъ другого столь же мощнаго исполнителя и истолкователя своихъ созданій.

До появленія Островскаго, Садовскій слишкомъ мало находилъ себѣ дѣла, соответствующаго размаху и направленію его таланта. Какъ большая и самобытная сила, съ первыхъ шаговъ своихъ на московской сценѣ, на которой онъ появился въ 1839 году, онъ выдвигался только въ бытовыхъ роляхъ, гдѣ бы онъ ни обнаруживались въ тогдашней скудномъ репертуарѣ, хотя бы даже въ водевиляхъ. Онъ оставался чуждъ царившей въ то время у насъ мелодрамѣ, и силы его развертывались только въ пьесахъ Гоголя и Мольера.

Несмотря на большой успѣхъ, создавшей ему крупное имя въ Москвѣ, таланту Садовскаго было слишкомъ мало пища.

Бочевая жизнь провинціального актера дала ему возможность хорошо изучить типы и быть русскаго народа; ему хотѣлось типы эти перенести на сцену и съ художественной правдой возсоздать ихъ на подмосткахъ театра, а, между тѣмъ, тогдашній репертуаръ почти не давалъ для этого возможности. Съ дѣтства знакомый съ русскимъ бытомъ, прониканный русскимъ духомъ, Садовскій стремился къ русскимъ бытовымъ ролямъ, и притомъ—изъ окружавшей его жизни, столь знакомой ему...

Легко можно себѣ представить, какъ онъ обрадовался, когда въ концѣ 1849 года появилась въ рукописи первая комедія Островскаго «Банкрутъ» («Свои люди—сочтемся»). Цѣлыхъ полгода Садовскій не разставался съ этой пьесой, всюду возилъ ее съ собою и охотно читалъ желающимъ слушать. Однако, ему пришлось еще долго ожидать возможности появиться въ этой пьесѣ на московской сценѣ...

Только въ январѣ 1853 года Садовскій выступилъ на тотъ путь, котораго давно искалъ,—на путь бытовыхъ ролей: онъ исполнилъ роль Русаева въ комедіи «Не въ свои сани не садись». Даже эта не особенно яркая роль доставила Садовскому огромный успѣхъ и сразу выдвинула его на первое мѣсто въ московской труппѣ. Пьеса до конца сезона давалась почти ежедневно при полномъ театрѣ.

Сценическая фигура Любима Торцова и основной ея типъ были даны Садовскимъ въ 1854 году. Высокій предѣлъ драматизма, до котораго онъ поднялъ эту роль, и теперь продолжаетъ и, вѣроятно, еще долго будетъ служить пробнымъ камнемъ для дебютантовъ на бытовые роли.

Мелче драматическимъ, но столь же законченнымъ созданіемъ, которое послужило воплощеніемъ новаго типа для публики и образцомъ для исполнителей, была роль «Кита Китыча»—Брускова. Этотъ типъ тогда только явился передъ зрителями настоящаго плотью и кровью, когда онъ былъ олицетворенъ Садовскимъ. Съ того времени «самодуръ» Островскаго, получившій такое большое литературное значеніе и принесшій такъ много славы своему автору, принялъ живыя, реальныя черты.

Позднѣ Садовскій сумѣлъ показать разнообразныя характерныя стороны этого типа въ роляхъ: Дикаго—въ «Грезѣ», Хрюкова—въ «Шутникахъ» и Курослѣдова—въ «Горичемъ сердцѣ». Всѣ эти лица, принадлежащія

къ одному, и тому же виду людей, у Садовскаго являлись непохожими другъ на друга, каждое со своими оригинальными особенностями.

Наиболѣе интереснымъ является въ исполненіи Садовскаго Курослѣвовъ. «Хотя дѣйствіе пьесы отнесено къ сороковымъ годамъ,—говоритъ одинъ изъ театраловъ критиковъ,—но мнѣ казалось, что и тогда едва ли могъ существовать купецъ, допившійся и заспавшійся до того, что терять большую способность отличать сонъ отъ дѣйствительности. Увидавъ Курослѣдова въ исполненіи Садовскаго, я понялъ, что ошибался. Когда передо мною являлась эта еле движущаяся, отяжелевшая, почти не раскрывающая глазъ фигура, съ безмысленнымъ выраженіемъ лица, я увидѣлъ въ ней что-то до такой степени живое, реальное, что не могъ тотчасъ же не признать законности вмысла автора. Чѣмъ дальше развивалось дѣйствіе, тѣмъ живучесть этого лица, правдивость всего, что оно говоритъ и дѣлаетъ, какъ ни странно его слова и поступки, все возрастали и все больше и больше приковывали вниманіе къ этой оригинальной фигурѣ, порожденной глумимъ захолауствомъ стараго времени. Эти грезы на яву, то страшныя, то безобразныя, среди которыхъ онъ живетъ, отношенія его къ жемчѣ, къ дочерки, къ городничему, къ прислугѣ,—все являлось до нельзя своеобразнымъ и въ то же время типичнымъ. Во всемъ этомъ исполненіи Садовскій не давалъ замѣтить ни малѣйшаго шаржа, ни малѣйшаго преувеличенія со стороны автора».

Произведенія Островскаго, какъ вполне оригинальный и обширный репертуаръ, составляютъ самое капитальное достояніе нашего театра. Самые типичныя лица ихъ были оживлены и истолкованы передъ театральной публикой знаменитымъ московскимъ артистомъ. Но замѣчательныя роли Садовскаго, какъ уже сказано выше, не ограничиваются ролями одного этого репертуара. Онъ является образцовымъ исполнителемъ многихъ ролей въ пьесахъ Тургенева, Писемскаго, Потѣхина, Боборыкина и другихъ.

Самыми крупными его созданіями были роли Расплюева въ «Свадьбѣ Крестьянскаго» и Ананія Яковлева въ «Горькой судьбинѣ».

«Первые выходы» Садовскаго всегда были замѣчательны, но выходъ въ Расплюевѣ былъ однимъ изъ самыхъ эффектныхъ. Вышность его, сохраненная литографіей того времени,

была чрезвычайно типична: помитый цилиндръ, поношенный сюртукъ, обрюзгшее лицо,—вся эта приниженная фигура рѣзко запечатывалась въ память. Онъ былъ очень смѣшнень и очень жалокъ, и это смѣшанное впечатлѣніе, выростая въ теченіе пьесы, становилось сильнѣе и неизгладимѣе...

Вообще, Садовскій создалъ огромный репертуаръ чисто національныхъ ролей, въ которыхъ у него не было предшественниковъ и почти не осталось преемниковъ. Въ этомъ смыслѣ его творческая работа превосходила, какъ силою, такъ и законченностью исполненія работу очень многихъ.

Садовскій не игралъ своихъ лицъ, а преобразовался, превращался въ нихъ. При этомъ тѣ вѣщныя средства, какими онъ располагалъ, вовсе нельзя было назвать богатыми. Черты его лица были массивныя, тяжеловѣсныя, сами по себѣ мало подвижныя; внѣ сцены обычное его выраженіе было флегматичное или даже меланхолическое. Лицо это много выигрывало, когда освѣщалось улыбкой; но и тогда все еще оставалось унылое выраженіе въ глазахъ. Плотная, грузная фигура, при ростѣ выше средняго, не выказывала обыкновенно ни живости, ни подвижности. Общее впечатлѣніе чего-то тяжелого, угрюмаго, усиливалось и его обычнымъ костюмомъ,—какимъ-то пальто, замѣнявшимъ сюртукъ, глухимъ двубортнымъ жилетомъ и черной косынкой вмѣсто галстука. Даже его богатый голосъ въ обыкновенномъ разговорѣ казался глуховатымъ и сишлымъ. Говорилъ онъ вообще мало и неохотно. То, что онъ высказывалъ, слушатель часто могъ принять за шутку или за пасмѣшку надъ собой,—вродѣ, напрямѣрь, того, что всѣ пьесы иностраннаго репертуара, не исключая Шекспира и Мольера, надо запретить, какъ неподходящія къ русской жизни.

Человѣку, видѣвшему его въ первый разъ въ обществѣ, онъ могъ показаться москвичемъ оригиналомъ стараго типа или провинціальнымъ чудакомъ.

Распространенное мнѣніе, будто актеры играютъ и въ жизни, было непримѣнимо къ Садовскому. Глядя на него, всегда казалось, что онъ не живетъ настоящей жизнью, а находится въ полудремотѣ, что ему въ этой чужой для него обстановкѣ неуютно и неловко.

Дѣйствительно, родной его сферой была сцена. Тамъ онъ совершенно преобразовался.

3. М. 14 окт. 910.

223
Мис Садовскій (ст.)